

УДК 82.091

М. А. Александрова¹, К. И. Шарафадина²

«ВДОХНОВЛЕННАЯ РОЗОЙ...»

Рец. на кн.: Горбовская С.Г. Вдохновенные розой. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. — 168 с.

125

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

² Военная академия материально-технического обеспечения

им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 05.04.2024 г.

Принята к публикации 05.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11

Для цитирования: Александрова М. А., Шарафадина К. И. «Вдохновенная розой...». Рец. на кн.: Горбовская С. Г. Вдохновенные розой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023. 168 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 2. С. 125 — 133. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11.

Петербургский автор Светлана Глебовна Горбовская — известный исследователь европейской, по преимуществу французской, флоропоэтики. В 2021 г. в Балтийском федеральном университете состоялась защита докторской диссертации С. Г. Горбовской «Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы» [7]. В ее монографиях «Флорообраз во французской литературе XIX века» [5] и «Многоликая бездна: формирование новой парадигмы образа растения во французской литературе XIX века» [8] сочетаются «дискурсивный и культурно-исторический подходы» [23, с. 141], что позволило автору преодолеть «односторонность» [Там же, с. 140] наблюдений предшественников. Флористические феномены литературы XIX в. рассмотрены в большом культурном контексте: прослежены связи (как преемственные, так и полемические) с растительными образами-иносказаниями в произведениях Средневековья, в поэзии классицизма и барокко, с фитонимами в прозе Жан-Жака Руссо и его современников. Различия в рецептивных стратегиях французских писателей XIX в., осваивавших многовековое наследие, стали главным предметом внимания С. Г. Горбовской.

Недавно тематический цикл своих исследований, продолжавшихся в течение десяти лет, С. Г. Горбовская решила подытожить книгой о ро-

зе — вечном образе, самом «литературном» из всех цветов. Рецензируемая книга, адресованная «литературоведам, лингвистам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся мировой культурой, и всем любителям флоропоэтики» [12, с. 2], относится к разряду научно-популярных иллюстрированных изданий, проект которого принадлежит издательству и Ботаническому саду СПбГУ. Иконография розы столь же богата, как и ее литературная история: «В Средних веках речь идет об иллюминировании и иллюстрировании книг “Роман о Розе”, “Розенгартен”, Манесского и Буранского кодексов, сборников поэзии миннезингеров и трубадуров. Роза в XVII—XVIII вв. связана с живописью рококо, в конце XIX в. — с творчеством прерафаэлитов. Роза репрезентируется в самых неожиданных формах в символизме и авангардной живописи» [Там же, с. 147]. По характеру работы с источниками (в том числе с научными трудами самого автора) и по стратегии подбора иллюстративного материала это книга-компендиум. В методологическом плане автор придерживается компаративного подхода.

Сформулированная С.Г. Горбовской задача — осветить «основные этапы становления образа розы в мировой литературе» [Там же, с. 2] — по многим причинам должна быть признана весьма сложной; поэтому непроста и задача рецензентов. Автор относится к разряду исследователей, смело и дерзко предлагающих свои соображения в виде версий и гипотез, как правило, подкрепленных серьезными разысканиями. Ее научный темперамент иногда доминирует над исследовательской рассудочностью, но всегда дает интересные плоды. В своем диалоге с автором книги мы учитываем и ранее опубликованные работы С.Г. Горбовской.

В трех главах — «Зарождение и формирование литературного образа розы», «Эпоха расцвета образа розы: литература XIX века» и «Парадокс образа розы в литературе XX—XXI веков» — охвачены неравные по протяженности периоды; соответственно, конкретные литературные явления освещены с разной степенью детализации.

В главе первой прослежена судьба розы от библейской древности до конца XVIII столетия. Начав с краткого раздела «Роза в литературе Израильского царства» [Там же, с. 13—15], автор более подробно характеризует розы классической античности («Литература Древней Греции и Древнего Рима» [Там же, с. 15—25]) и при переходе к Средневековью сочетает обзорное изложение («Роза в средневековой литературе» [Там же, с. 25—29]) с анализом наиболее важных текстов; таков большой двухчастный раздел, посвященный «Роману о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мёна: «Три семантических маршрута “Романа о Розе”», «“Роман о Розе” и его след в литературе» [Там же, с. 29—42] (см. подробнее у того же автора: [4; 6; 9; 10]). Уделив некоторое внимание немецкому Средневековью («Сложный синтез семантики розы в немецкой средневековой саге» [12, с. 42—43]), С.Г. Горбовская обращается к «небесной Розе» Данте Алигьери, к иносказательному ореолу шекспировских и ронсаровских роз, к символике розенкрейцеров («Образ “мистической

розы” в Предренессансе и Ренессансе» [12, с. 43–51]). Рассмотрение в одном ряду роз Данте, Шекспира и Ронсара кажется нам небесспорным, но эвристическая ценность этого хода может получить подтверждение в ходе будущих разысканий автора книги.

Раздел о мистической розе Данте как нельзя лучше демонстрирует исследовательский инструментарий С.Г. Горбовской. Позволим себе предположить, что ее дантовские штудии (более подробно и аргументированно представленные в статьях того же автора) вдохновлены недавней книгой Ольги Седаковой «Перевести Данте» [18] — идеей комментированного русского перевода «Божественной комедии», который призван восстановить для русского читателя контекст философский, этический, богословский. Великая книга написана на «листах с невероятно широкими полями» — такой выразительной формулой О. Седакова определяет суть своей установки. Размышления С.Г. Горбовской о дантовской райской розе — это те же заметки на полях, где мысль стимулируется разными контекстами: от ботанического и архитектурного до философского и мистического. Небесспорно, но очень любопытно возведение семантики дантовской розы к аллегории «розы» как элемента готической архитектуры, а именно ее райской коннотации.

В разделе «Роза и “цветы риторики”» [12, с. 52–57] изложены принципы кодификации флористических иносказаний барокко и классицизма, что позволяет автору перейти к рассмотрению забытого мадригального жанра поэтической «гирлянды» («Роза в “гирлянде Юлии”» [Там же, с. 57–59]). Формулировка «Роза в литературе эпохи Просвещения, в сентиментализме и псевдоклассицизме» [Там же, с. 59–62], определяющая содержание раздела, нуждается в уточнениях. Наиболее ценным представляется рассмотрение энциклопедических статей, ботанических эссе и трактатов о розе, соединявших — в духе просветительской культуры — пафос научного познания с эстетическим переживанием. За розы сентиментализма здесь представляет только поэма Джеймса Томсона «Времена года» (1726–1730), связанная с зарождавшимся литературным течением в качестве раннего его пролога. Жак Делиль, автор описательной поэмы «Сады» (1782), аттестован как «псевдоклассицист», но этот оценочный термин давно и убедительно пересмотрен в литературоведении.

Раздел «Роза и “язык цветов”» [Там же, с. 62–64] будет полезен читателю, впервые открывающему для себя обаяние старинной «цветочной почты» и готовому продолжить погружение в ее увлекательную историю. Возникшая во второй половине XVIII в. благодаря европейской моде на восточный язык тайных любовных приветствий и признаний (так называемый селам), эта традиция со временем переместилась на литературную периферию и в альбомной культуре прожила, постепенно теряя изначальную эстетическую рафинированность, около двухсот лет. Специфика «языка цветов» представлена в рецензируемой книге беглым обзором, поэтому обсуждать содержательное наполнение этого раздела вряд ли стоит. Заметим все же, что сведение семантики селамной розы к любовной тематике неправомерно: она с не

меньшим успехом могла выражать и другие чувства, к примеру дружеские. Кстати, горячую дружбу (а отнюдь не измену и ревность) эмблематизировала желтая роза, в то время как белая роза — невинность, чистоту и искренность, а дикая роза (шиповник) — поэтическую натуру и собственно поэзию (см. об этом подробно в монографии К. И. Шарафудиной [22]).

Венчает первую главу этюд «Роза и Иммануил Кант» [12, с. 64—65], создающий некую философскую интригу, которую далее (уже в главе второй) проясняют суждения автора о новом статусе розы: воспринимаемая поэтами — начиная с романтиков — как непостижимая кантовская «вещь в себе», роза «не то, чем мы ее называем и наделяем, она нечто большее, иное, недоступное пониманию» [Там же, с. 68].

Во флоропоэтике XIX в. «роза обретает либо новые смыслы, либо совершенно иные <чем прежде> формы репрезентации. Главная их черта — авторская неповторимость и семантическая неопределенность...» [Там же, с. 67]. Для подтверждения своего тезиса исследователь обращается к произведениям Уильяма Блейка, Уильяма Вордсворта, Людвига Уланда, Клеменса Брентано, Александра Пушкина, Альфонса де Ламартина, Марселины Деборд-Вальмор, Виктора Гюго, Жерара де Нерваля (раздел «Образ розы в романтизме» [Там же, с. 68—88]), Теофиля Готье, Шарля Леконта де Лиля («Особая красота розы в творчестве поэтов Парнасской школы» [Там же, с. 89—95]), к романам Гюстава Флобера и Эмиля Золя («Роза в реализме и натурализме» [Там же, с. 95—98]), к творчеству Стефана Малларме, Оскара Уайльда, Октава Мирбо, Артюра Рембо и др. («Между злой иронией, скептицизмом и ужасом: роза в символизме и декадансе» [Там же, с. 99—107]). Поэтический и живописный розарий прерафаэлитов рассмотрен в следующей главе — с учетом его влияния на эстетическое сознание первой половины XX в. Полагаем, что целый ряд флористических образов (от роз Ханса Кристиана Андерсена до тургеневских [14, с. 101—105] и фетовских роз [21, с. 18—54]), которым места в книге пока не нашлось, способны вдохновить автора на развитие предложенной концепции. Такой выразительный источник новых смыслов, как «русская роза» — эстетически парадоксальный концепт, сформировавшийся на фоне европейской традиции в пушкинскую эпоху [3, с. 69—71], сохранявший ореол семантической «свежести» даже для поколения Владимира Набокова [16, с. 2], воскрешенный впоследствии Давидом Самойловым, Беллой Ахмадулиной и др. [3, с. 71—72], пока не стал актуальным для С.Г. Горбовской. Авторы рецензии, сделавшие определенный вклад в эту тему, убеждены, что для ее дальнейшего развертывания компаративный подход С.Г. Горбовской был бы весьма полезен и перспективен.

На рубеже XIX и XX столетий в литературной истории розы наступает особый этап, вместивший множество параллельно развивавшихся тенденций, сквозных «сюжетов», которые сложно соотносятся друг с другом и с многовековой традицией. Эта специфика является серьезным вызовом для любого исследователя флоропоэтики, а научно-попу-

лярный жанр накладывает свои ограничения. Полагаем, что оптимальный выход из этого противоречия пока не найден. В рецензируемой книге сначала рассматривается «Роза в неоромантизме» [12, с. 108–115], далее порядок изложения подчиняется хронологическому принципу («Образ розы в литературе рубежа веков и первой половины XX века» [Там же, с. 116–135], «Образ розы в литературе 1960–1980 годов» [Там же, с. 135–137], «Розы в творчестве писателей рубежа XX–XXI веков» [Там же, с. 137–141], а в итоге автор посвящает специальный раздел одному из «литературных рядов» («Образ розы в массовой литературе последних десятилетий» [Там же, с. 142–143]). Некоторые тексты включены в состав перечисленных разделов без достаточных оснований: к примеру, среди творений неоромантиков оказались неканонические розы Владимира Маяковского (см. об этих образах подробно [1, с. 18–25]) — наряду с поэтической книгой «Rosarium» Вячеслава Иванова, драмой Александра Блока «Роза и крест». Вяч. Иванов и Блок, в свою очередь, никак не соотношены с европейским символизмом; между тем интересной для компаративиста задачей может стать осмысление контраста двух явлений — характерного для русских символистов культа розы и флористических «предубеждений» их французских предшественников.

Во втором разделе последней главы автор прослеживает истоки эстетики модерна в живописи прерафаэлитов, где роза представлена в изобилии, цитирует строки Данте Габриэля Россетти о розе, характеризует образ Замка Роз из поэмы Уильяма Морриса «Земной рай», но не пользуется возможностью отметить воздействие этих впечатлений на творчество Александра Блока (см. об этом: [19, с. 42–57]). Приходится сожалеть о пропуске некоторых текстов, весьма типичных для конкретного литературного этапа и популярных у современников. Так, в разделе о неоромантической розе явно недостает «Принцессы Грёзы» Эдмона Ростана: в контексте пьесы старинное соперничество розы с лилией символизирует конфликт требовательной земной страсти и любви надмирной, жертвенной, который разрешается монашеским постригом героини в финале.

Хронологический принцип изложения предполагает такое сочетание относящихся к одной эпохе и общей национальной культуре литературных фигур, в котором они непреднамеренно или сознательно диалогизируют друг с другом. И здесь автор полностью подчиняет неискушенного читателя своему вкусу и разумению в отборе имен, с которым хочется обоснованно поспорить. Так, с Анной Ахматовой, обращавшейся к образу розы более тридцати раз, соседствует, по выбору автора книги, Анатолий Мариенгоф, между тем важнейший для поэтессы собеседник — Осип Мандельштам — даже не назван. Противопоставив условной розе символистов эстетическую ценность живого цветка («Прочь от символизма, да здравствует живая роза!» [15, с. 11]), Мандельштам наделил вечный образ новой философской глубиной (вспомним стихотворение «Сёстры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»), дал новую жизнь и «розе Киприды» («В Петербурге

мы сойдемся снова...»), и «розе Гафиза» (цикл «Армения»). Прочитанный в книге гротескный эпизод с «контрреволюционными» розами из романа Мариенгофа «Циники» (1928) удачно характеризует идеологический тренд, вопреки которому расцветали розы в послереволюционной поэзии; но тем самым читателю внушены определенные ожидания: жизнеспособность традиции уместно было бы показать на примерах из творчества нескольких русских поэтов XX в., в том числе тех, кто преемственно связан с великим поколением Серебряного века (здесь выбор велик: от Арсения Тарковского [2, с. 169–178] до Иосифа Бродского [20, с. 168–172]).

Впрочем, свою выразительность имеет и «мозаичный» характер картины, представленной в третьей главе: это своего рода *сад разбегających тропинок*, по которому читатель может путешествовать в разных направлениях. Перечислим только те произведения, которые ранее не были упомянуты рецензентами (в заданной автором книги последовательности): «Голубая роза» Леси Украинки, «Роза» и «Таинственная роза» Уильяма Батлера Йейтса, «Классические розы» Игоря Северянина, «Священная Эмилия» Гертруды Стайн (с ее знаменитой формулой «Роза это роза это роза это роза»), «Семья роз» Роберта Фроста, «Воинские розы», «Сбор цветов» и «Анни» Гильома Аполлинера, «Роза для Эмили» Уильяма Фолкнера, «Красная роза» Старка Янга, «Для гербария» Сидони-Габриэль Колетт, «Золотая роза» Константина Паустовского, «Роза для всех» Поля Элюара, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Чудо о розе» Жана Жене, «Татуированная роза» Теннесси Уильямса, «Роза мира» Даниила Андреева, «Сентябрьские розы» Андре Моруа, сборник-антология «Сокровенная роза» Хорхе Луиса Борхеса, «Розы в кредит» Эльзы Триоле, «Имя розы» и «Заметки на полях "Имени розы"» Умберто Эко, «Штокроза это штокроза обыкновенная...» Филиппа Жаккотте, «Чапаев и пустота» Виктора Пелевина, «Язык цветов» Ванессы Диффенбах, романная трилогия Дженнифер Доннелли («Чайная роза», «Зимняя роза» и «Дикая роза»), «Роза и кинжал» Рене Ахдие, «Код Да Винчи» Дэна Брауна.

Необходимо констатировать, что современный автор, обозревающий мировое литературное наследие от библейской древности и греко-римской античности до наших дней, не смог бы представить судьбу розы с достаточной полнотой даже в объемной монографии: ведь до сих пор не составлена исчерпывающая библиография *вдохновенных розой* произведений и научных работ соответствующей тематики, опубликованных за последние полтора столетия на разных языках. Надеемся, что специалистов по флоропоэтике увлечет идея создания мультимедийного справочника-компендиума «Роза в мировой литературе» по типу тематической подборки из словаря поэтических образов Н. Павлович [17], дополненного аудиовизуальной составляющей.

Считаем возможным уточнить границы объекта, избранного С. Г. Горбовской. Рецензируемая книга содержит сведения о восточном происхождении розы природной, о возобновлявшихся восточных (глав-

ным образом ближневосточных) влияниях на образ розы в европейских литературах, наконец, об «обратном» воздействии западноевропейской поэтики розы на литературное сознание Востока (первоначально — в период завоеваний Александра Македонского, затем в Новое и Новейшее время), что отвечает масштабу обозначенной в преамбуле книги задачи. Эпиграф из стихотворения Хорхе Луиса Борхеса в переводе Б. Дубинина сводит воедино «розу персов» и «розу Ариосто» [12, с. 5]. Однако предпринятый обзор дает автору возможность «с уверенностью заключить, что роза — прежде всего образ западной культуры» [Там же, с. 145]. Этот вывод справедлив в том отношении, что именно западная культура наиболее активно (судя по имеющимся данным) осваивала флорообразы восточных соседей. Исследовательские установки С.Г. Горбовской характеризуются явной «европоцентричностью», что вполне естественно и по-своему правомерно: точность наблюдений и сложность интерпретаций обусловлены глубокой погруженностью автора рецензируемой книги в западноевропейский литературный контекст. Это позволяет С.Г. Горбовской отметить погрешности в некоторых поэтических переводах на русский язык, искажающие для отечественного читателя смысл образа розы, и ввести в литературный оборот более адекватные первоисточникам версии [Там же, с. 84]. Фактически в центре внимания остаются розы «европейского человечества» (воспользуемся старинной философской формулой), то есть собственно европейский розарий и его отзвуки в литературах, связанных с Западной Европой через «материнский» язык либо благодаря процессу европеизации (так начиная с XVIII столетия постепенно укоренялась роза в русской литературе).

Нам представляется, что в рамках очерченной выше сферы реализуются все преимущества автора книги, обусловленные его научными интересами, тогда как обращения к феноменам «далеких» культур отмечены некоторой скорописью. К примеру, представление о розах в раннесредневековой японской поэзии [Там же, с. 26] остается неполным без реконструкции контекстуальных смыслов, специфичных для местной флористической традиции. Полезно было бы также выяснить, не находились ли русские переводчики с японского под воздействием привычной для них европейской семантики розы.

В связи со всем сказанным позволим себе предложить автору рецензируемой книги идею возможного направления дальнейших исследований: это флоропоэтика литератур романского мира, где многовековое бытование розы породило разветвленные диахронические и синхронические связи, сформировало наднациональное дискурсивное пространство. Именно для романских литератур наиболее актуален тезис С.Г. Горбовской о том, что роза сегодня выступает как «цветок, символизирующий великое прошлое человечества» [Там же, с. 137].

Список литературы

1. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. Розы Маяковского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. №6-2. С. 18—25.

2. Александрова М.А. Античная роза в лирике Арсения Тарковского // Литература XX–XXI веков: Проблемы поэтики: коллективная монография. М., 2020. С. 169–178.

3. Александрова М.А. Классическая роза в рецепции русских поэтов XX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2021. №2. С. 69–75. doi: 10.46418/2079-8202_2021_2_11.

4. Горбовская С.Г. Индивидуализация символа. «Роза» Г. де Лорриса и «Роза» Ж. Жене // Вестник Томского государственного университета. 2010. №340. С. 7–11.

5. Горбовская С.Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. СПб., 2017.

6. Горбовская С.Г. Генезис образа «Роза» в аллегорическом «Романе о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мёна. Три семантических маршрута // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2017. №3. С. 71–77.

7. Горбовская С.Г. Образ растения во французской литературе XIX века: деактуализация многовековых традиций и формирование новой парадигмы: дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 2021.

8. Горбовская С.Г. Многоликая бездна: формирование новой парадигмы образа растения во французской литературе XIX века. СПб., 2021.

9. Горбовская С.Г., Нужная Т.В. Поэтика «трансмутаций» образа «мистической розы» в европейской литературе от Средних веков до XX века. Часть 1 // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2022. №1. С. 82–88. doi: 10.46418/2079-8202_2022_1_14.

10. Горбовская С.Г., Нужная Т.В. Поэтика «трансмутаций» образа «мистической розы» в европейской литературе от Средних веков до XX века. Часть 2 // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2022. №2. С. 103–107. doi: 10.46418/2079-8202_2022_2_14.

11. Горбовская С.Г. Три первоосновы образа небесной розы в «Божественной комедии» Данте Алигьери // Научный диалог. 2023. Т. 12, №4. С. 280–297. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-280-297.

12. Горбовская С.Г. Вдохновленные розой. СПб., 2023.

13. Делиль Ж. Сады. Л., 1987. (Сер. «Литературные памятники»).

14. Дмитриева Н.Л. Роза у Пушкина и Тургенева // Русская литература. 2000. №3. С. 101–105.

15. Мандельштам О. О природе слова. Харьков, 1922.

16. Набоков В. [Рец. на кн.:] Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. №3092 (28 янв.). С. 2.

17. Павлович Н. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX в. : в 2 т. М., 1999.

18. Седакова О. Перевести Данте. СПб., 2020.

19. Титаренко С.Д. Русский символизм и традиции английских прерафаэлитов: проблемы интермедальности // Культура и текст. 2015. №5 (23). С. 42–57.

20. Шабанова Н.А. Традиционный символ розы в творчестве И. Бродского // Проблемы филологического образования. Вып. 10. Саратов, 2018. С. 168–172.

21. Шарафадина К.И. Обновление традиций флоропоэтики в лирике А.А. Фета // Русская литература. 2005. №2. С. 18–54.

22. Шарафадина К.И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб., 2018.

23. Шарафадина К.И., Киричук Е.В. Литературная флористика в масштабах национального метатекста одного века (рецензия на монографию С.Г. Горбовской «Флорообраз во французской литературе XIX века». СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2017. 274 с.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. №22. С. 139–146. doi: 10.17223/23062061/22/9.

Об авторах

Мария Александровна Александрова — д-р филол. наук, ведущ. науч. сотр., доц., Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия.

E-mail: nam-s-toboi@mail.ru

SPIN-код: 2077-3141

Клара Ивановна Шарафадина — д-р филол. наук, проф., Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации, Россия.

E-mail: belkaklara@mail.ru

SPIN-код: 7385-0701

133

M. A. Aleksandrova¹, K. I. Sharafadina²

«INSPIRED BY THE ROSE...»

Review on the book by S. G. Gorbovskaya “Inspired by the Rose...”, — SPb: St. Petersburg State university, 2023, — 168 p.

¹ Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

² Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Received 5 May 2024

Accepted 5 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11

To cite this article: Aleksandrova M. A., Sharafadina K. I. 2025, “Inspired by the Rose...”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 125–133. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-11.

The authors

Prof. Maria A. Aleksandrova, Leading Researcher, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University, Russia.

E-mail: nam-s-toboi@mail.ru

SPIN code: 2077-3141

Prof. Klara I. Sharafadina, Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia.

E-mail: belkaklara@mail.ru

SPIN code: 7385-0701